

Ничего хорошего у этих скандалисток на уме не было – одни грубости и хамство. Выскочили, как обезьяны дикие, и с воплями набросились на Кадма!

Настя даже расхохоталась, увидев, как бедного мужичка повалили на траву и оседлали пять женщин – уселись на руки, ноги и на живот бедолаги. Кадм не дергался, не кричал, но было заметно – чувствовал он себя оскорбленным. Какое-никакое, но это было его местом жительства и так вздорно себя вести с хозяином это было неприлично.

А вот юную хозяйку женщины не трогали. Три пожилые, с седыми волосами особы сразу подошли к ней и встали напротив, ожидая чего-то.

Настя сидела спокойно, ей было весело и пламя гнева только разгоралось внутри, голубые глаза с насмешкой рассматривали этих жительниц Приозерного.

Не дождавшись от неё никакой реакции, одна из женщин – самая пожилая, седая и крепкая, вовсе не старуха, с довольно приятным и миловидным лицом – начала беседу:

«Ты излечила больной зуб Кеби. Кто тебя учил этому?»

Вот это нашу попаданку расстроило, вот это её разочаровало: разве так можно? Дикость какая-то и провокация – желаете поговорить, так чего на пляже не подошли? Зачем в свои дела Кадма впутывать, уселись на бедного и скалят зубы, вредные бандерлоги!

– Ты с какой целью интересуешься? – ответила она вопросом на вопрос, зная о вековой мудрости одного сообразительного народа.

Женщина замерла. Наверное, ей тон не угодил, хотя незнакомке ей не грубила, не кричала слова, но сказала своё с явной насмешкой. Дальнейшая беседа пошла в русле обострения:

– Это наше дело. Ты чужая. Отвечай на вопрос!

На такой акт наезда и беззаконного попраiania всех норм приличия Настя могла ответить только чем-нибудь вечным, цитатой достойной, хоть недавно и подмоченной критикой более достойнейшей особы.

Желая приободрить несчастного Кадма, Настя громко уронила слова в вечернюю тишину:

«Я иногда думаю: то ли все женщины полные идиотки, то ли... На этом мысль останавливается».

Вот между ними было полное взаимопонимание полов:

Кадм рассмеялся, хотя ему было неудобно и тяжело от пленивших его знакомых.

А женщине не догнали. Кадм тоже не догнал смысл слова «мысль», но сообразил о чём речь, он стал привыкать к речи чудной девушки, когда некоторая часть её слов была ему совсем не ясна, не понятна, но это не мешало ему в основном понимать свою новую знакомую.

А Звягинцева решила заканчивать с этим балаганом, ничего хорошего эти грубиянки не могли предложить – так дела не делаются! Она встала, чуть наклонив голову, уже абсолютно

серьезным тоном и даже со слабой толикой угрозы спросила:

- Чего надо, малахольные?

И тогда началось главное. Началась драка. Началось то, без чего не обходиться ни одна свадьба, ни одно стоящее дело – всегда надо в начале свои силы обозначить, устроить потасовку, пусть не серьезную, ритуальную, но без надувания щёк и размахивания руками трудно начать серьезное дело.

Драка! Женская драка! Воспетая в сотнях книжек и осмеянная миллионами мальчишек – о, Звягинцева была готова.

Вот этого удовольствия «ниже среднего», вот этих физических упражнений она накушалась по горло в своей секции самбо за несколько лет тренировок.

Одна из компаньенок вопрошательницы протянула к ней руки, со скрюченными пальцами – выискала кошка на новую мышку в этом курятнике.

Только к такому повороту девушка была готова, хоть и терпеть она не могла все эти соревнования и броски с партерами. Ухватить заводилу за руку оказалось несложно, и Настя резко провела один из тех приемов, которые отрабатывала семь лет, и которые надоели ей хуже нахалов парней, встречавшихся иногда на улицах города.

Швырнула она женщину хорошо, только ноги и рука мелькнули в полёте. Но на этом Настя не остановилась.

Она знала уже, что может стать не просто быстрой, но «молниеносной», неестественно быстрой – «ужасом, летящим на крыльях дурдома».

В несколько рывков она сблизилась с парочкой любительниц задавать вопросы и обоих бросила в одну могучую кучку. Потом она повернулась в сторону тех, которые обездвижили Кадма:

– Так и будем сидеть? Ему же неудобно, – и Звягинцева вдруг выдала бредовую фишку, вот просто захотелось ей этого, для начала осудив предательницу: «Дура ты Кеби. Бойся мазайца... э-э-э... ну, в общем, того, кто что-то на халяву приносит. Забесплатно только кошки трахаются, а лечение зубов стоит денег», – и она показала и этой дурёхе, и её подругам!

Все люди, которые занимаются разными единоборствами, в разной степени уважают Брюса Ли – неординарный был борец, уважать его было за что. И конечно все борцы знали пару жестов, которые приписывались авторству этого актера, хотя на самом деле там немного всё запутано было с авторством.

Не могла она удержаться, какая-то веселая, задорная волна её подхватила, заставила сначала большим пальцем левой руки провести по своему носу, а потом вытянуть руку в сторону оторопевших нахалок и сделать знаменитый подманивающий жест: «Прошу к барьеру, сейчас и вы получите колотушек!»

И нахалки вскочили с бедного Кадма, и бросились на негодницу, в едином порыве намереваясь наказать эту невежливую девчонку.

Но наказали они только себя – все кувыркнулись в разные стороны. Хорошо хоть без крайнего членовредительства всё обошлось, не умела Звягинцева людей бить, не нашла она в этих рукомахательствах ничего интересного. И второй юношеский по самбо она «на отвяжись» получила, просто – чтобы была у неё эта окончательная оценка по итогам обучения спорту.

В свои восемнадцать лет она прекрасно выучила лучший в мире прием, с которым не страшны никакие хулиганы: не надо нарываться на проблемы.

Ни разу в жизни это самбо ей не пригодилось. Вреда от этой борьбы не было, польза от спорта была, так что Звягинцева приняла эту необходимость заниматься физкультурой, «поматросила и бросила».

Настя всё понимала. Спорт хорош не потными касаниями и всеми этими криками, и пыхтением, когда борешься за результат. Спорт воспитывает характер, спорт помогает организовать и мобилизовать «внутреннее тело». Вот только у неё был свой, особый метод насилия.

Её сила была в слове. Ей было достаточно сказать неприятному человеку: «Иди отсюда», – и тот уходил.

Звягинцева уже выяснила: ей опасны пьяные. Опьянение тормозило эффект её слов. Она всё не решалась на грязное, однажды подумав, что есть ведь ещё и глухие! Но не стала она связываться с людьми обделенными судьбой, нехорошо это, неправильно. Не проверяла она того как на глухих гипноз действует.

И сейчас настал момент нанести удар жестокий – массового поражения – «АоЕ», удар по площади, как игроки в компьютерные игры выражаются. И Звягинцева нанесла этот удар, четко, громко и сурово бросив пару слов:

«Пошли вон! Быстро!»

И случилось страшное. Кадм впервые видел гнев Анны Стасионы, и удивление и радость от её

успеха, миг сменилось чувством ужаса.

Он замер, увидев, как знакомые ему с давних лет соседки встали на ноги и пошли, всё быстрее и быстрее, разбежались в разные стороны. Казалось, что их подхватили ветра с разных сторон света, быстро вскочив на ноги, женщины с криками метнулись каждая в своём направлении.

Он ещё не знал другого, страшного – и бежали они, пока сил хватало, не могли они остановиться, в головах не появлялось такого желания. И две не вынесли этого наказания, упали без сил и скончались там, куда их ноги занесли, не вернулись они в Приозерный. А шесть других вернулись только днем следующего дня, упав без сил, они смогли только восстановить дыхание, чтобы после этого сразу заснуть там, где упали.

Не знал он и того, что Настя на следующий день сама поигралась в «любопытную Варвару», вот только она любила свой носик, поэтому была осторожна, внимательна и потому сумела подкрасться к зловредной Кеби незаметно.

Задала она этой неблагодарной один вопрос, потом второй. Потом покачала головой, закрыла глаза и подумала: «Вот ведь мразь».

Но ещё не настало время Смерти. Не готова она была к такому. Оставалось одно – убежать.

Кеби её предала, и не только её, но и её и Кадма – растрепала матриарху о ведьме молодой и ранней, лишнего разболтала египтянка.

Насте не хотелось начинать сейчас активно во что-то вмешиваться. Не хотелось начинать всякие «борьбы» и конфликты. Нельзя так. Молодая она, глупая, но не тупая! Нафиг такие конфликты. Первым делом – ребёнок, а всё остальное – потом. И она решили уходить...

Андрею она ничего не стала объяснять, а вот с Кадмом честно поговорила, рассказав ему о предательстве его любовницы.

Мужчина поверил ей сразу, не стал рвать волосы на лысой голове, только сморщился и прошипел несколько слов на языке, который вовсе был незнаком Насте. Потом он отдышался, порассматривал в стороне какие-то «Особые игры теней при падении лучей солнца на ветку дерева, которое качается слегка под гнетом порывов ветра».

Посмотрев на девушку глазами сухими, уже живыми знакомым бодрым и хитрым выражением, прямо спросил её:

– Что ты хочешь делать?

– На запад нам надо Кадм. На Запад... Вслед за солнцем, старый ты бабник, – открыла ему Настя часть своих планов.

Первоначальную часть далеко идущих планов, для претворения которых в жизнь ей была нужна помощь новой семьи.

– Есть у тебя знакомые там, куда солнце заходит?

И Кадм, уже наученный горьким опытом, не стал сразу отвечать, а взял паузу на раздумье и воспоминанья. Но вдруг он улыбнулся улыбкой задорной и ехидной, и Настя поняла – бюрократия неистребима, она вечна, она полезна и живуча, очень сильная она штука, эта самая бюрократия, у которой много всяких бумажек разных, и под каждым её листком, всегда готов и стол, и дом.

<http://tl.rulate.ru/book/98296/3325745>